6. Gosudarstvennyj arhiv sovremennoj dokumentatsii Astrahanskoj oblasti (GASD AO). F. 325. Op. 1. D. 128.
7. *Kozhurin B. C.* Neizvestnaja vojna: dejatel'nost' Sovetskogo gosudarstva po obespecheniju uslovij zhizni i truda rabochih v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. M., 1990.
8. *Panarina E. V.* Uchastie profsojuzov Kubani i Stavropol'ja v reshenii prodovol'stvennoj problemy v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Rossijskoe obshchestvo i vojny XX veka. Krasnodar, 2004.
9. Profsojuzy SSSR: dokumenty i materialy: V 4 t. M.: Profizdat, 1963. T. 3. 749 s.
10. Tsentr dokumentatsii novejshej istorii Volgogradskoj oblasti (TsDNIVO). F. 116. Op. 2. D. 1.

А. В. Курамшина

ТРУДОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ РАБОЧИХ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ (1917–1922 гг.)

Статья посвящена трудовой повседневности заводских рабочих Пермской губернии в 1917–1922 гг. Она написана на основе архивных источников. Выявляется значимость трудовой деятельности в повседневной жизни рабочих, анализируются аспекты условий труда и их влияние на физическое состояние рабочих; раскрывается отношение заводских рабочих к труду и влияние политической обстановки в России на организацию администрацией завода тех или иных мероприятий.

Ключевые слова: трудовая повседневность, труд, Пермская губерния, рабочие, права, технология, сверхурочные работы, национализация, командировка, мобилизация, субботник.

A. Kuramshina

Perm Province Labour Everyday Working Life (1917–1922)

The article deals with the everyday labour life of factory workers of the Perm Province in 1917–1922 revealing the importance of labour in the daily life of workers. The working conditions and their influence on the physical condition of the workers are analyzed, and the attitude of factory workers to work is described as well as the influence of the political situation in Russia on the organization of the administration of certain events.

Keywords: everyday labour life, work, Perm Province, workers, rights, technology, overtime work, nationalization, business trip, mobilization, community work day.

Исследование трудовой повседневности рабочих Пермской губернии в 1917–1922 гг. предполагает обращение к сфере труда, являющейся наиболее значимой в повседневной жизни [13, с. 49]. В общеисторическом контексте трудовая повседневность изучалась рядом ученых, в том числе А. Людтке [3], Ю. Л. Бессмертным, А. Я. Гуревичем [12]. В данной области активно ведутся научные дискуссии, в частности, о структуре повседневности (трудовая, рабочая, производственная) [11].

А. Щюц в своих исследованиях выделил трудовую повседневность как элемент особой формы реальности. Он считал основополагающим признаком повседневности трудовую деятельность, ориентированную на внешний мир, основанную на проекте и стремящуюся реализовать предвиденное в нем состояние дел посредством физических актов [1].

Актуальность темы связана со значением труда в повседневной жизни заводских рабочих Пермской губернии в 1917–1922 гг.,

как заметил Л. Г. Ионин: «Тяжелая трудовая повседневность формировала образ жизни и характер взаимоотношений всех членов семьи» [2], что, в свою очередь, оказывало влияние на повседневную жизнь рабочих.

Трудовая деятельность на заводах Пермской губернии регулировалась правовыми актами трудового законодательства, однако на практике администрацией завода права рабочих нередко нарушались. О частых случаях травматизма, о тяжелых условиях работы, о «каторжном труде» вспоминают рабочие Лысьвенского металлургического завода — П. И. Куликов и Г. М. Жданов [7, с. 16].

Свидетельства участников событий периода 1917–1922 гг. являются важным источником, который, несмотря на субъективность изложения материала, позволяет соединить событийные элементы в единый исторический процесс через характеристику трудовой деятельности [12]. В них отражены аспекты трудовой повседневности.

Воспоминания П. Куликова свидетельствуют о тяжелых материально-бытовых условиях работы на заводе, об «отсутствии бесплатной медицинской помощи при повседневных издевательствах администрации завода» [7, с. 16]. Мемуары автора содержат информацию о качестве медицинского обслуживания населения, о малограмотности рабочих и их детей в дореволюционный период.

Низкий уровень грамотности рабочих был обусловлен «отсутствием денежных средств, неимением возможности поместить своих детей в школу», — вспоминает П. Куликов [7, с. 17]. Занятия в образовательном учреждении проводились в основном для детей заводской администрации, священнослужителей и торговцев: «простые рабочие и их дети обучались грамоте «самоуком» у дьячка и приказчиков» [7, с. 17].

И. И. Линьков вспоминает, что именно административно-управленческие кадры, «главные инженеры — привилегированная прослойка технической администрации, состоящая из совладельцев акционеров заводов», обладали определенными льготами и преимуществами [9, с. 4].

Кроме коренного населения, на заводы Пермской губернии приглашался квалифицированный персонал из Петербурга, Москвы, Риги, Нижнего Новгорода [8, с. 6].

Среди заводских рабочих встречались беглые питерские рабочие, скрывавшиеся с осени 1916 г. от ареста из-за участия в массовых забастовках в Петербурге. Именно таким беглым рабочим, работавшим изначально в Петроградском металлическом заводе токарем турбинного цеха, был Ф.И. Чикирисов. Будучи молодым активистом, он принимал участие в заводской забастовке и в ходе массовых арестов участников перешел на нелегальное положение. Впоследствии получил «чужой паспорт на имя Калугина Василия Кирилловича и с этим паспортом отправился на Урал, где работали питерские рабочие, скрываясь от полиции» [6, с. 1].

Трудовые будни заводских рабочих зависели от тех или иных технологических процессов и взаимоотношений с администрацией. Так, например, унимальщик* на солеваренных заводах в пос. Ленва при выварке поваренной соли «Пермянка» выбрасывал деревянной лопатой соль на полати для просушки. «Позже эту высохшую соль в мешках выносили в соляной амбар, — вспоминает рабочий Литвинов [10, с. 2]. В течение суток рабочий этой профессии работал свыше 12 часов». Физически тяжелой была работа в отделении укупорки на Березниковском содовом заводе. Из-за отсутствия необходимых материалов — леса и бочек, «соду набивали в холщевые, недостаточно плотные мешки, ткань плохо держала готовый продукт, мешки лопались, чаще всего при погрузке» [9, с . 43]. Такими же физически сложными были условия труда на одном из заводов города Надеждинска Верхотурского уезда Екатеринбургской губернии. Литвинов описывает в мемуарах

свой первый рабочий день в мартеновском цехе: «Было лето, на улице жара, нужно было чугунную болванку весом до 60 кг поднять на площадку и перенести до загрузочного окна печи на расстояние 8 м, поднять на загрузочную лопату. Рабочий, стоящий у заслонки окна, держащий лопату, как только начинает бросать болванку на лопату, поднимает заслонку и сразу лопату с болванкой толкает в печь. Если же почему-либо замешкаешься, то рискуешь обжечься пламенем печи» [11, с. 8]. Трудоемкая работа в горячих цехах приводила к истощению физических сил рабочих. Литвинов вспоминает, что достаточно было «сходить 4–5 раз с болванкой, и человек уставал. Тогда бежишь из цеха на воздух в тень, пьешь холодную воду со льдом, снимаешь рубашку, обливаешь себя той же водой, потом опять идешь продолжать работу». Продолжительность рабочего дня — 12 часов, цех работал на две смены. «Никаких перерывов не было, как в других, не горячих цехах», — отмечает автор воспоминаний, — целую смену не дотрагивался до еды, а когда пришел домой, вместо еды свалился в постель и провалялся пять суток. После этого — снова пошел на работу и постепенно втянулся в нее» [11, с. 8]. Процесс адаптации человека к тяжелым трудовым условиям был непростым. При таких условиях труда редко кто из рабочих доживал до глубокой старости и «в 45–50 лет рабочие выглядели стариками, неспособными к физическому труду» [7, с. 16].

На некоторых заводах работа велась в ночную смену, это было связано, прежде всего, с введением в стране военного положения: «Приглашение, подъем на работу в ночное время проходил так: были специальные рассыльные, которые ходили по домам и поднимали людей на работу, — вспоминает С. И. Литвин. Обычно вход в дом на ночь закрывался, если стучать — не скоро разбудишь, поэтому вошло в обычай — рассыльный во весь свой голос, с высокой ноты, запевает: «Во имя отца и сына и святого духа». Его голос по поселку в особенности в ночное время далеко слышен. Рабочий просыпался, подходил к окну и также громко кричал «Аминь», рассыльный бежал к другому дому» [10, с. 2].

После выхода Декрета СНК РСФСР «О вознаграждении за сверхурочные работы» в 1920 г. в Пермской губернии с марта были разрешены сверхурочные работы — до 100 часов в месяц для врачей [5, с. 45], с сентября 1920 г. — рабочим Губпродкома и фабрики Гознак, с оплатой по общему положению о тарифе от 1 сентября.

Сверхурочные и ночные работы усложняли жизнь рабочих, живших в отдаленных районах губернии. Некоторые из них каждый день добирались до места работы и обратно на поездах. С 1918 г. вагоны стали редко ходить, прежде всего, из-за нехватки горюче-смазочного топлива. Рабочий И. И. Линьков, описывая служебную командировку из Перми в Екатеринбург по уральской железной дороге, вспоминает изношенные железнодорожные вагоны: «В депо имелись лишь маломощные паровозики двадцатилетней давности и двуосные маленькие вагончики. Третий ярус у них был глухими сплошными полатями, где было удобно прятаться безбилетным пассажирам (зайцам). Окна — маленькие почти квадратные, разделенные на четыре стекла, состояли из одной рамы» [9, с. 8].

Вспоминая условия передвижения в железнодорожных вагонах, Линьков говорит о том, что «освещение в вагонах было свечное, на ночь — одна небольшая свечка в одном конце вагона, не более чем на два часа времени. При этом поезда, состав которых не превышал 10–12 вагонов, по этой дороге ходили без строгого расписания. Для пробега 500 км — требовалось около 18–20 ч» [9, с. 8].

В мемуарах Линькова — не только сведения о проблемах на железной дороге и ситуации с железнодорожным транспортом. Он пишет, например, о срывах в работе водного транспорта [9, с. 13], которые на-

блюдал, будучи командированным в Березники. Теплоход, следовавший маршрутом Пермь — Чердынь, не вмещал ожидавший его на пристани огромный пассажиропоток. Правила посадки людей нарушались. Автор замечает, что пассажирам, имеющим командировочные удостоверения, женщинам с детьми, престарелым и инвалидам войны предоставлялось право на первоочередное получение билетов, но огромные очереди мешали этому процессу. Как следствие — кассы отказывались продавать билеты. Наряд водной милиции восстанавливал порядок, очищая параллельно пароход от пассажиров, своевольно занявших места, либо не купивших билеты. С путевкой Уралбюро РКП(б) (с направлением на Содовый завод) Линьков беспрепятственно получил билет с указанием о разрешении занятия места на верхней палубе. Впервые оказавшись на территории Березниковского содового завода, автор описывает схему расположения объектов на заводской территории, систему электрического освещения [9, с. 14]: «Видны были огни, освещавшие верхнюю часть башни и береговой высокий ледорез, стоявший в русле реки, рабочие у известково-обжигательных печей. Слышался глухой внутрицеховой гул, резкий хруст стальных лопастей камнедробилки и сыпавшегося в вагончики известкового камня. Миновав завод и пристань у станции Солеварня, пароход «Башкирская республика» перевалил к правому берегу реки и скоро подошел к пристани. Дорога заняла 20 часов» [9, с. 14–15].

На территории завода общей площадью 80 га располагались производственные здания и вспомогательные сооружения, включая пропорционально расположенные нефтяные резервуары и соляные лари. Южнее завода на реке Зырянке располагался лесной склад и двурамная лесопилка, бондарный цех, воздушно-сушильные склады для заготовленной клепки и другие лесоматериалы. Основные производственные цеха — содовый и каустический — тянулись вдоль берега реки Камы. Высота центральной части карбонузационно-дисцилляционного отделения цеха, достроенная в 1925 г., равнялась 50 м. Венцом оборудования на этой пятидесятиметровой высоте являлся водонапорный бак. В свободное время, как вспоминает И. Линьков, «любители искали в нем мелкую рыбешку, а некоторые в жаркое лето освежались, любовались зелеными закамскими просторами» [9, с. 41]. В каустическом отделении располагались пять вращавшихся 13-метровой длины печей-тамбуров на высоких опорах, прокаливавших соду с толченой железной рудой. Своим тепловым излучением в зимнее время они хорошо согревали окружающее пространство.

Огнеупорно-шамотный кирпич для строительства печей Березниковского содового завода поставлялся Чусовским заводом, который занимался, помимо этого вида работ, изготовлением чугунных горшков для плавки каустика, стальных поковок, бандажей для сушилок и тамбуров. Находясь в территориальной близости друг от друга, заводы наладили внутреннюю коммерческую связь. Но после национализации Чусовского завода с середины 1919 г., после ухода белых, завод перешел в ведение Пермского горнозаводского треста и связь между предприятиями прекратилась. Указы администрации Чусовского завода накладывали запрет на заказы Содового завода, в том числе на кирпич, ссылаясь на внутреннюю занятость; это прекратило сотрудничество предприятий.

Высококвалифицированные рабочие на некоторых заводах губернии направлялись в командировки в соседние города, останавливаясь в местных гостиницах. Об условиях проживания в гостинице в Екатеринбурге рабочий И. Линьков, направленный туда из Перми, вспоминает так: «Это было небольшое двухэтажное каменное здание, с виду не очень казистое»; «завтрака не подавалось, буфета не было. Единственное, что было, — чайник грязноватого вида из оцин-

кованного железа с кипятком, поставленный на определенном месте в коридоре. На путевые расходы выдавалась необходимая сумма денег, железнодорожный билет до станции и небольшой мочальный кулечек на дорогу продуктов» [9, с. 9, 12].

Условия труда рабочих завода и обеспечение их производственным оборудованием зависели от производственных технологий. Несмотря на происходящие в обществе изменения, труд на заводах оставался преимущественно ручным с применением орудий труда, сохранявшихся на заводах с XVIII в. Линьков вспоминает о том, что «на Усольском сользаводе имелась полудеревянная, полужелезная машина, производящая в движение насосные установки. При помощи этой машины, спроектированной и построенной в начале XVIII века кем-то из крепостных, для выварки и получения соли выкачивался из земли природный соляной рассол» [9, с. 17].

Коренное население, работавшее на заводах, по большей части было аполитичным из-за традиционных взглядов большинства рабочих. Отношение к труду носило потребительский характер, обусловленный удовлетворением первичных нужд: «быть одетым, сытно поесть при этом, не включаясь в политическую дискуссию и общественную жизнь трудового коллектива» [9, с. 34].

С началом Гражданской войны в стране начался процесс мобилизации, который не обошел Пермскую губернию, затронув при этом все работоспособное население. В сентябре ставится вопрос о мобилизации плотников для исправления железнодорожных мостов с выплатой компенсации. Резолюция пленума 22 октября 1919 г. говорит о том, что вследствие недостатка рабочих сил для восстановления производства по всей губернии должна быть введена трудовая повинность. Восстановительные работы, начавшиеся сразу же после ухода с территории Пермской губернии белогвардейцев, требовали наличия необходимого строительного оборудования. Так, в городе Чусовом был избран Деловой совет из пяти человек, реорганизованный 9 октября 1919 г. в коллегиальное Управление завода. Заводу при этом был предоставлен заказ на изготовление и поставку 50 саженей фермы Камского железнодорожного моста, взорванного белыми. Исполнение заказа было запланировано к 1 января 1920 г., а восстановительная работа на месте — открытие моста — к 10 апреля. При этом запрашиваемая доля строительного и монтажного оборудования и провианта для выполнения заказа была исполнена частично [4, с. 45]. Рабочим, восстанавливавшим мост, в ноябре был предоставлен один вагон муки и один вагон угля, две электромашины. Кроме того, «уездной Пермской комиссией по борьбе с дезертирством было снято с работы котельного цеха 56 человек бывших красноармейцев, из которых 50% были квалифицированными, но потом большая часть была возвращена обратно» [5, с. 45].

Осенью 1920 г. возник вопрос о необходимости проведения недели охраны труда для приведения в порядок помещений учреждений и заводов. В этих целях планировалось проведение нескольких субботников по охране труда на заводе в г. Чусовом. Субботники проводились вечерами, после чего участникам выдавали по одному фунту хлеба. 1 мая 1920 г. на заводе прошел большой субботник по закладке нового здания механического цеха. Но ввиду выверки брака у колонн и их маломощности сроки окончания работ приходилось переносить.

На заводах существовала острая потребность в квалифицированных кадрах. В воспоминаниях И. И. Линькова содержатся сведения об отсутствии на заводе инженера. В чертежном цехе, вспоминает он, был один техник, на должности заведующих производством были поставлены рабочие [9, с. 36]. К 1923 г. на Березниковском содовом заводе производственно-технической администрации было немного, с высшим техническим образованием инженеров — пять человек, включая директора завода. Из этих

пяти человек двое — химики, один — механик-теплотехник, один — строитель и еще техник. Заведующий производством по образованию был горным техником. Администрация обходилась небольшим, но высококвалифицированным штатом инженеров. В 1920 г. было принято решение о повышении разряда высококвалифицированных рабочих: с 12-го разряда до 18-го при существующей тарифной сетке из 35 разрядов. В октябре 1920 г. встал вопрос о некорректности установленных тарифных ставок, введенных ВЦСПС и Наркоматом труда. Предлагалось признать принципиально желательным уравнение в оплате всех трудящихся в разных отраслях производства, приблизив интервал 1-го к 8 с обязательным уничтожением всех внескальных ставок [5, с. 6].

С мая 1921 г. происходит процесс перехода от политики военного коммунизма к новой экономической политике. Данный переход свидетельствовал об изменении как экономической, так и политической ситуации в стране в целом, об изменении сущности и методов решения некоторых вопросов, в том числе касавшихся условий труда.

Таким образом, трудовая повседневность рабочих Пермской губернии формировала образ жизни и стратегии выживания рабочих в исследуемый период. Ориентированная на внешний мир, трудовая повседневность подвергалась незначительным инновационным изменениям в 1917–1922 гг. в области заводского производства, что показывало общую отсталость на заводах и усложняло труд рабочих на производстве. Увеличение физической нагрузки, тяжелые условия работы и традиционные взгляды большинства рабочих определяли потребительское отношение большинства рабочих к труду, их желание удовлетворять, прежде всего, первичные нужды. Отсутствие на заводах высококвалифицированных кадров приводило к корректировке административной политики на предприятиях, к изменению тарифных ставок, введенных ВЦСПС и Наркоматом труда. Изменение внутриполитической ситуации в мае 1921 г. и переход от политики военного коммунизма к новой экономической политике свидетельствовал о модификации методов решения некоторых вопросов в экономической и политической сферах, что, безусловно, отразилось на трудовой повседневности рабочих Пермской губернии.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Унимальщик — грузчик, уборщик соли из раствора в чане.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Амбарцумян К.Р.* Детство в контексте семейной повседневности сельских жителей во второй половине XIX — начале XX веков (на материалах Ставрополья и Терека) // 2010. Новая локальная история: социальные практики и повседневная жизнь горожан и сельских жителей. URL: http://www. newlocalhistory.com/content/ambarcumyan-kr-g-stavropol-detstvo-v-kontekste-semeynoy-povsednevnosti-selskih-zhiteley-vo (дата обращения: 07.09.2012 г.).

2. *Ионин Л.Г.* Социология культуры // Эволюция конституирующих элементов повседневности. URL: http://www.filosofy.vuzlib.net/book_o026_page_33.html (дата обращения: 07.09.2012 г.).

3. *Людтке А.* История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Германский исторический институт в Москве, 2010. 271 с.

4. ПермГАНИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 39. С. 45.

5. ПермГАНИ. Ф. 90. Оп. 2–4. Д. 4. С. 6, 45.

6. ПермГАНИ. Ф. 90. Оп. 2–4. Д. 6. С. 1.
7. ПермГАНИ. Ф. 90. Оп. 2. Д. К — 61. С. 16,17.
8. ПермГАНИ.Ф.90. Оп. 2. Д. К — 137. С. 6.
9. ПермГАНИ.Ф. 90. Оп. 2. Д. Л — 37. С. 4, 8, 9, 12, 13, 14–15, 17, 34, 36, 41, 43.
10. ПермГАНИ. Ф.90. Оп. 2. Д. Л — 47. Л. 2.
11. ПермГАНИ. Ф. 90. Оп. 2. Д. Л — 37. Л. 8.
12. *Пушкарева Н.* «История повседневности» как направление исторических исследований.URL: http://www.perspektivy.info/history/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskih_issledovanij_2010-03-16.htm (дата обращения: 07.09.2012 г.)
13. Российская повседневность в условиях кризиса: взгляд социологов: Аналитический доклад. (Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации). М.: Институт социологии РАН, 2009. С. 49.
14. *Селунская Е. А.* Формирование картины революционного движения в ходе собирания и создания исторических нарративов в первое послереволюционное десятилетие (на примере деятельности Тверского истпарта). Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: Материалы международной научной конференции. М., 2008. 343 с.

REFERENCES

1. *Ambartsumjan K. R.* Detstvo v kontekste semejnoj povsednevnosti sel'skih zhitelej vo vtoroj polovine XIX — nachale XX vekov (na materialah Stavropol'ja i Tereka) // 2010. Novaja lokal'naja istorija: sotsial'nye praktiki i povsednevnaja zhizn' gorozhan i sel'skih zhitelej. URL: http://www.newlocalhistory.com/content/ambarcumyan-kr-g-stavropol-detstvo-v-kontekste-semeynoy-povsednevnosti-selskih-zhiteley-vo (data obrashchenija: 07.09.2012 g.)
2. *Ionin L. G.* Sotsiologija kul'tury // Evoljutsija konstituirujushchih elementov povsednevnosti. URL: http://www.filosofy.vuzlib.net/book_o026_page_33.html (data obrashchenija: 07.09.2012 g.).
3. *Ljudtke A.* Istorija povsednevnosti v Germanii. Novye podhody k izucheniju truda, vojny i vlasti. M.: Rossijskaja politicheskaja entsiklopedija (ROSSPEN); Germanskij istoricheskij institut v Moskve, 2010. 271 s.
4. PermGANI. F. 90. Op. 1. D. 39. S. 45.
5. PermGANI. F. 90. Op. 2–4. D. 4. S. 6, 45.
6. PermGANI. F. 90. Op. 2–4. D. 6. S. 1.
7. PermGANI. F. 90. Op. 2. D. K — 61. S. 16,17.
8. PermGANI.F.90. Op. 2. D. K — 137. S. 6.
9. PermGANI.F. 90. Op. 2. D. L — 37. S. 4, 8, 9, 12, 13, 14–15, 17, 34, 36, 41, 43.
10. PermGANI. F.90. Op. 2. D. L — 47. L. 2.
11. PermGANI. F. 90. Op. 2. D. L — 37. L. 8.
12. *Pushkareva N.* «Istorija povsednevnosti» kak napravlenie istoricheskih issledovanij.URL: http://www.perspektivy.info/history/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskih_issledovanij_2010-03-16.htm (data obrashchenija: 07.09.2012 g.).
13. Rossijskaja povsednevnost' v uslovijah krizisa: vzgljad sociologov: Analiticheskij doklad. Podgotovlen v sotrudnichestve s Predstavitel'stvom Fonda imeni Fridriha Jeberta v Rossijskoj Federatsii. M.: Institut sotsiologii RAN, 2009. S. 49.
14. *Selunskaja E. A.* Formirovanie kartiny revoljucionnogo dvizhenija v hode sobiranija i sozdanija istoricheskih narrativov v pervoe poslerevoljucionnoe desjatiletie (na primere dejatel'nosti Tverskogo istparta). Teorii i metody istoricheskoj nauki: shag v XXI vek: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. M., 2008. 343 s.